

Му Юань замер на месте, словно громом пораженный. Он вмиг окаменел, и его лицо превратилось в безжизненную маску; он долго не мог вымолвить ни слова.

Ли Ваньсин, заметив его состояние, мягко повторил вопрос:

— А-Юань, так о какой болезни говорил маршал Му? Что это такое?

«Дон-н-нг...» — в это мгновение Му Юань явственно ощутил, как Смерть бьёт в колокол, провозглашая его конец.

Его затопила горькая обида на судьбу. Он помрачнел и поник, охваченный глухим отчаянием.

«Всё-таки он спросил... Рано или поздно это должно было случиться. Теперь Ваньсин узнает, что я — безумный монстр...»

Его Ваньсин... Он ведь наверняка теперь почувствует лишь отвращение?

Он уйдет?

Неужели их дружбе, всему, что между ними было, пришел конец?

Ему стало нестерпимо больно в груди, словно чья-то невидимая рука вонзила кинжал в самое сердце и медленно провернула его тысячу раз. Му Юаню до дрожи не хотелось говорить правду. Он боялся увидеть на лице Ваньсина презрение. Но... лгать он не мог. Не ему.

Сделав глубокий вдох, Му Юань решился. Ваньсин имел право знать всё — и о его изъятиях, и о его безумии.

Внешне он старался казаться невозмутимым, хотя внутри всё выгорало дотла.

— Я заражен нейротоксином зергов, — ровным, почти ледяным тоном произнес он. — Этот токсин неизлечим.

Слова давались тяжело, но, раз начав, он уже не мог остановиться.

— Я вырос в семье потомственных военных, — начал Му Юань свой рассказ. — Отец, дед, прадед — все они были прославленными генералами. Я пошел по их стопам и с малых лет познал, что такое поле боя. В четырнадцать отец доверил мне первое командование.

При этих словах Му Юань на миг ощутил прежний азарт и давно забытую гордость.

— Мы одержали полную победу. После этого отец официально разрешил мне участвовать в настоящих сражениях.

Он мимолетно и грустно улыбнулся — воспоминание о тех временах было для него единственным светлым пятном. Но тут же помрачнел.

— Через два года, когда мне исполнилось шестнадцать, я получил приказ преследовать отряд федератов-захватчиков до самой окраины вселенной. Я уже собирался нанести решающий удар, как вдруг обнаружил, что мы в кольце. Нас окружили Зерги.

Му Юань непроизвольно зажмурился, словно пытаясь вытравить из памяти те картины. Он заговорил с едва заметной дрожью в голосе:

— Тот бой обернулся кровавой бойней. Из пяти тысяч солдат живым вернулся только я один. Я выжил лишь потому, что мой организм оказался слишком крепким — они просто не смогли меня убить.

Казалось бы, спасение должно было стать благословением, но тон Му Юаня внезапно сменился на яростный:

— Вместо смерти они впрыснули в мою кровь хронический нейротоксин. С тех пор я рос и развивался, как обычный человек, но мой рассудок... он начал давать сбои. Впервые я потерял контроль перед самым поступлением в Центральную военную академию Империи.

Му Юань до белизны сжал кулаки. Ногти впились в ладони так глубоко, что на коже проступили кровавые лунки.

Мать Му Юаня ушла из жизни рано, и хотя отец искренне любил её, время взяло своё. В доме появилась мачеха — леди Беде. Она была удивительно мягкой женщиной, истинной аристократкой: доброй, красивой и скромной. Она стала для мальчика настоящей матерью.

Леди Беде всегда беспокоилась, что Му Юань с детства пропадает на фронтах, но уважала его выбор. Когда же она узнала, что он отравлен нейротоксином и может погибнуть в любой момент, она не смогла сдержать слёз. Но, будучи женщиной сильной духом, она решила: раз судьбу не изменить, пусть Му Юань хотя бы проживет ту жизнь, которую выберет сам. Мачеха не позволила запереть его в больнице, забрала домой и старалась сделать его дни максимально обычными. Она поддерживала его стремление учиться и каждый день сама готовила ему питательные и вкусные обеды.

Му Юань, несмотря ни на что, упорно трудился и в итоге блестяще сдал экзамены в академию своей мечты. Чтобы отпраздновать это событие, мачеха приготовила праздничный ужин,

собрав на столе всё, что он любил.

В тот вечер она с нежностью посмотрела на него и сказала:

— Юань-эр, поздравляю. Ты поступил в академию с лучшим результатом на курсе.

Даже его отец, обычно скупой на похвалу и суровый, довольно усмехнулся в усы.

— Неплохо, — коротко бросил он.

Му Юань, который должен был сиять от счастья, сидел мрачнее тучи. Если бы не этот проклятый нейротоксин, замедливший его реакцию, он бы не просто поступил, а побил бы исторический рекорд академии! Ему не хватило самой малости.

Родители понимали, что причина его гнева — яд в крови. Их собственная боль и чувство вины были куда сильнее, чем у сына, но они тщательно скрывали свои чувства. Леди Беде улыбнулась:

— Юань-эр, результаты уже получены, не терзай себя. Давай просто поедим.

Му Юань кивнул и взялся за нож и вилку, собираясь отрезать кусочек стейка, как вдруг... он почувствовал, как в мозг вонзилось раскаленное лезвие, которое принялось бешено вращаться!

«Дзынь!»

Последнее, что он запомнил, — это как тело перестало ему подчиняться. Звон упавших на пол приборов стал финальным аккордом его здравомыслия.

Когда сознание вернулось к нему, перед глазами была страшная картина: мачеха лежала на полу, бледная как смерть, а из-под её тела по белой плитке медленно растекалась густая алая лужа. Отец, судорожно сжимая её руку, кричал в трубку, требуя скорую, и умолял её держаться.

— В тот миг я увидел, что отец испытывает лютую ненависть, — Му Юань низко опустил голову, не в силах больше выносить этот образ.

Он сжал кулаки так, что на предплечьях вздулись вены. Он продолжал пугающе спокойным голосом:

— Токсин попросту «отрезал» моё сознание и пробудил во мне маниакальный синдром, я — потерял контроль.

Он буднично описывал тот погром:

— Я перевернул тяжеленный дубовый стол, пятиметровый в длину. Фарфоровая посуда, изысканные блюда — всё разлетелось вдребезги за долю секунды. Стулья превратились в щепки; ни у одного не осталось целых ножек. И всё это я сотворил одними лишь голыми руками.

Му Юань раскрыл ладони и с каким-то странным оцепенением уставился на них. Он до сих пор не мог поверить, что в состоянии безумия в нем просыпается такая сокрушительная мощь.

Помолчав, он продолжил:

— Что до моей матери... Она первой бросилась ко мне, пытаясь остановить. И я... я ударил её. Прямо в живот. Удар был такой силы, что она отлетела на шесть метров и упала прямо на осколки битых тарелок.

Он смотрел куда-то в пустоту, словно заново видя те раны:

— На её теле было несколько десятков порезов. Три из них задели артерии. Врачам чудом удалось её спасти... Отец летел в больницу на красный свет, сметая всё на своем пути. Операция длилась трое суток без перерыва.

Му Юань замолчал, его голос звучал глухо, в нем сквозила бездонная вина.

— Она пролежала в больнице три месяца. С тех пор меня взяли под строжайшее наблюдение. Мне запретили делать хоть шаг за пределы психиатрической больницы. Мы думали, что изоляция поможет усмирить монстра внутри меня.

Он поднял на Ли Ваньсина взгляд, полный затаенной боли.

— Но мы не знали одного... Оказалось, что у моей болезни есть и другая форма.

Он помрачнел.

— Второй приступ случился вскоре после первого. Но на этот раз это была не жажда разрушения. Это была боль. Такая, будто меня заживо режут на тысячи кусков.